

Над былью (посвящение С. Рахманинову)

«Симфонические танцы» (1940) – последнее крупное симфоническое произведение Сергея Рахманинова.

Оно состоит из трех частей, которые композитор первоначально обозначил как «День», «Сумерки» и «Полночь». До сих пор многие музыкальные критики продолжают трактовать это произведение, отталкиваясь именно от этих подзаголовков хотя сам Рахманинов в окончательной редакции отказался от них. Музыкальный жанр «Танцы» (в первоначальном варианте «Фантастические танцы») настраивает на некую сценическую, или визуальную интерпретацию произведения. Известно, что М.М. Фокин даже собирался ставить на него балет.

Как бы то ни было, «Симфонические танцы» – это своего рода закодированный итог жизни и одновременно завещание Сергея Рахманинова, а может быть, и некое предсказание, запечатленное в музыкальных образах.

Что же могло быть «закодировано» в «Симфонических танцах»?

Апокалиптическое восприятие действительности в сознание Рахманинова вносила сама жизнь, врываясь в его музыку часто используемой темой «Dies irae» («День гнева» – тема Страшного суда) колокольными перезвонами и древнерусскими обрядовыми напевами. Годы жизни С. В. Рахманинова (1873–1943) совпали с периодом мировых исторических потрясений. Он был свидетелем двух мировых войн и трёх русских революций.

Обучение в Петербургской и Московской консерваториях, общение и дружба с великими русскими музыкантами, такими как А.И. Зилоти, А.Г. Рубинштейн, С.И. Танеев, П.И. Чайковский, Ф.И. Шаляпин, А.Н. Скрябин формировали огромность личности и профессионала.

Октябрьскую социалистическую революцию 1917 г. Рахманинов не принял и, как многие дворяне, уехал из России за границу. Несмотря на чужеродную среду, вся музыка композитора до конца его дней была пропитана русским духом, русской

интонацией и глубинной тоской. Его русскость в иной среде была источником внутренней драмы, переосмысления, что вырвалось и прогремело в его последнем (1940 г.) крупном произведении – «Симфонических танцах».

Вполне очевидно, что дать свою трактовку известному сочинению даже в исконном музыкальном виде очень трудно. Нужен исполнительский масштаб.

Музыкальные идеи у Рахманинова написаны так, что зримо ощущаешь их как образы. Использование труб и валторн превращает их звучание в аллегорические образы Зла. Лирические темы, которые обычно связывают с русской природой, могут быть интерпретированы как силы добра и света, как тема воспоминания о бывшей родине. Весь гармонический и ритмический язык этого произведения, а также философская глубина осознания своего места на Земле через силы Добра и Зла в «Танцах» достигают редкого напряжения, звона. Это трагическое сочинение и, возможно, внутренний духовный апокалипсис самого композитора.

От музыки к живописи

Но что бы личного не вкладывал Рахманинов в музыкальный образ или иной подтекст, в музыке люди слышат только звуки, которые оформлены во временной музыкально-эмоциональный ряд. Этот ряд может быть и запечатлен! (Еще в моей музыкантской жизни эта идея мне не давала покоя, я «видела» музыку, а в настоящей жизни художника не могла не попробовать этого нарисовать).

Иллюстрация – дело сопровождающее, к примеру, театральные действия, книги... Но выразить музыку художественно, оставив, наоборот, ее «фоном» – это совсем иная задача. Этим гигантским «фоном» для меня и стали «Симфонические танцы», которые я сама многократно исполняла, но как концертмейстер в классе дирижирования.

Перевоплощение Танцев в изобразительное действие я и затеяла, назвав серию картин «Над быльем». Музыкальное произведение состоит из трех частей, имеющих сложную форму и примерно равное звучание по времени. Однако в моем выражении образы разделились не пропорционально (так слышу/вижу): 1-я и 2-я части – слепок, вневременное изображение, квинтэссенция смысла. 3-я часть – движение,

содержание которого раскрывается в 13 картинах. Я в третьей части слышу/вижу именно 13 сюжетов, 13 смен, 13 разворачивающихся картин. Возможно, чертова дюжина остановленных «кадров» и случайна, но само число заставило вздрогнуть, когда «дорисовала музыку» до конца.

Сотворчество с музыкой «Симфонических танцев» выразилось в философском толковании тем Добра и Зла, которые невозможно было не укрепить поэзией и ею раскрыть «код картин». В вечных темах нет ни времени ни пространства, они всеобщие. Но добро – это не обязательно божеская тема, а зло сатанинская. «Черное и белое» проявляются на каждом шагу, имеют свое философское толкование. Но живопись, музыка и поэзия все-таки требуют особой формы изобразительного величия. Поэтому, приподнявшись «над былью», появился этот художественно-поэтический цикл.

Прошу обратить внимание на то, что белый и черный миры в стихах описываются разнообразными словами, но однопорядковыми по смыслу. Белый мир озвучивается как свет, любовь, чистота, жизнь, день. Черный мир имеет свою терминологию: ночь, зло, соблазн, порок, тьма, зверье и т.д.

Власть каждой силы распространяется только на ее мир: белую или черную сферу. Слово сфера в стихах имеет и буквальное, геометрическое значение. Белое и черное пространства все время выгибаются или прогибаются и их символы являются выворотом друг друга.

Особо отмечу, что хотя силы Добра и Зла и взаимопределяют друг друга, но не пересекаются. Все они живут только в своих мирах. В белом мире живут белые силы, там нет места черным. Для них, черных, в белой сфере – ад, а в черном мире все наоборот: прекрасно себя чувствует вся нечисть вместе со своим Хозяином. Зачем же День и Ночь будут наказывать своих последователей в своих же «сферах»? Борьба Света и Тьмы идет за тех, кто еще не выбрал для себя «среду обитания».

В библейском аду, так же, как в аду «Божественной комедии» Данте, все грешники маются по своим заслугам. Но мне кажется это странным: зачем же в черном царстве его Верховод будет истязать своих, грешников? «Черные» в черном мире должны быть награждены за заслуги! И чем больше греха, тем слаще жизнь! Это у черных. А у белых – ровно наоборот!

От стихов к философии

Будучи совершенно не религиозным человеком, я тем не менее борьбу Света и Тьмы вижу ежедневно. Предательство, зависть, лицемерие, вранье, мракобесие... – список длинный – я вижу как Зло, а все то, что направляет человека к знанию, истине, творчеству, тому, что продляет не только свою жизнь, но и человеческого рода, обозначаю как Добро. Хотя визуальные символы Добра и Зла имеют клишированный отпечаток (богоподобный и дьявольский образы), однако философская основа картин и стихов имеет своей целью именно социальный смысл – проблему выбора жизненного пути.

Несмотря на похожесть жизни в «раю» и «аду», разница между силами, безусловно, есть: белая ведет к упорядочиванию, сохранению жизни и ее продлению, черная – к хаосу, рассыпанию и забвению. Человек делает свой выбор. Но страшно то, что «неопределившиеся» могут своей массой затоптать, загикать, уничтожить то, что сопротивляется праздности, разврату и бессмысленности.

Бессмысленное искусство, бессмысленная музыка, бессмысленная литература, получающие признание в такой же бессмысленной «философии» и слившись в общее чудовищное гикание, и есть человеческий ад.

Цикл картин и стихов «Над былью» и являются моим ответом на эту бессмыслицу.

1 часть – Противостояние

2 часть – Искушение

3 часть – Ад

Валентина Бэттлер

15.06. 2010